

Муравьев Михаил Никитич

**Обитатель предместия и
Эмилиевы письма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Никитич М.**
Обитатель предместия и Эмилиевы письма / Муравьев Михаил Никитич – М.:
Книга по Требованию, 2026. – 234 с.

ISBN 978-5-519-98167-5

ISBN 978-5-519-98167-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Разбирая бумаги покойнаго *М. И. Муравьева*, мы нашли сочиненіе подѣ названіемъ: *Эмиліевы лисьма*, копорое можетъ служишь продолженіемъ *Обитателя предмѣстія* (опрывка, напечатаннаго въ собраніи его сочиненій: *Опытъ Исторіи, Словесности и Нравоученія, Москва, 1810*). Теперь *Обитатель предмѣстія и Письма Эмиліевы*, составяють цѣлую особенную книгу, копорую наставники могутъ съ пользою вручить дѣтямъ. Зная недостатковъ въ книгахъ, воспитанію посвященныхъ, мы съ удовольствіемъ взяли на себя трудъ издашелей и щасливými себя почиташъ будемъ, если заслужимъ одобреніе нѣжныхъ маперей и наставниковъ. Переводы иностранныхъ книгъ, часто слабые и дурные, не удовлетворяють ихъ желанію; лучшія произведенія въ прозѣ на-

шихъ писателей не могутъ находиться вполне въ рукахъ юношества, по возвышенности слога и по содержанію. Чѣмъ замѣнишь ихъ? Иностранными книгами, гдѣ ни слова нѣтъ о Россіи, гдѣ все переноситъ юное воображеніе въ землю неизвѣстную, къ предметамъ, для него во все чуждымъ, и такимъ образомъ даетъ ему обо всемъ ложныя понятія. *Обитатель предѣстія и Эмили-евы письма*, замѣняютъ опчаспи, такъ кажется намъ, сей недоспашокъ въ книгахъ для воспитанія. Здѣсь авторъ часто говоритъ о Россіи, о древней и новой Словесности, какъ пламенный любитель всего прекраснаго. Каждое письмо можетъ служить урокомъ Словесности и Нравственности. Вообще къ нашему писателю можно примѣнить стихи Г. Дмипріева:

Я лучшей не могу хвалы ему сказать:

Мать дочери великъ трудъ его читать.

П И С Ь М О

о сочиненіяхъ

Г. М У Р А В Ь Е В А,

изданныхъ по его кончинѣ,

Москва, 1810.

Письмо къ И. М. М. А.

о сочиненіяхъ

Г. М У Р А В Ъ Е В А.

Перечитывая снова рукописи и сочиненія *М. Н. Муравьева*, (изданныя по его кончинѣ, Москва 1810) я осмѣлился сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Двѣ причины побудили меня къ тому. Вамъ будетъ пріятно, М. Г., бесѣдовать со мною о незабвенномъ мужѣ, котораго упроща была столь горестина для сердца вашего. Все шѣснѣе и шѣснѣе связывало васъ съ покойнымъ вашимъ родственникомъ. Самая дружба нишалась, возвеличивалась взаимною любовію къ Музамъ, единственнымъ ушѣшительницамъ сей бурной жизни. Она украсила дни цвѣтущей молодости вашей, и къ позднимъ лѣтамъ пригостила сладостныя воспоминанія. Конечно каждый стихъ, каждое слово *Виргилія* напоминаетъ вамъ о незабвенномъ другѣ вашемъ; ибо съ нимъ вы читали древнихъ, съ нимъ наслаждались прекрасными вымыслами чувствительнаго поэта *Маншуи*, глубокимъ смысломъ и гармоніей *Горація*, величественными

IV

картинами Тасса, Мильтона и неизбъ-
снимой прелестью сценаній Петрарка;
однимъ словомъ, всѣми сокровищами
древней и новѣйшей словесности.

Вспорую причину, побудившую меня
говорить о сочиненіяхъ Г. *Муравьева*,
могу смѣло опіести на щепъ пользы
общественной. Въ 1810 году, Г. *Карам-
зинъ* взялъ на себя пріятный трудъ
быть издашелемъ оныхъ, не смотря на
важныя свои занятія по части Исторіи;
ибо онъ любилъ въ покойномъ Авторѣ
не однѣ дарованія, не одно искусство
писать, соединенное съ обширною уче-
ностію, но душу, прекрасную его душу.
Говоря о писателѣ въ краткомъ предис-
ловіи, онъ заключаетъ слѣдующими
словами: „спрасть его къ ученію равня-
лась въ немъ только съ спрастію къ
добродѣтели.“ Прекрасныя слова, и со-
вершенно справедливыя! Кто зналъ сего
мужа въ гражданской и семейственной
его жизни, шопъ могъ легко угадывать
самыя тайныя помышленія его души.
Онъ клонились къ пользѣ общественной,
къ любви изящнаго во всѣхъ родахъ, и
особенно къ успѣхамъ отечественной
словесности. Онъ любилъ опечество
и славу его, какъ Цицеронъ любилъ Римъ,
онъ любилъ добродѣтель, какъ пламен-
ный ея любовникъ, и всегда, во всѣхъ
случаяхъ жизни, остался вѣренъ своей
благородной спрасти.

Послѣ долгаго отсутствія, возвращаясь въ опчизну, и съ новымъ удовольствіемъ принимаясь за Рускія книги, я искалъ во всѣхъ журналахъ выгоднаго или строгаго приговора сочиненіямъ Г. *Муравьева*. Четыре года прошло со времени ихъ изданія въ свѣтъ, и никто, ни одинъ изъ журналистовъ не упоминаетъ объ нихъ (*). Чему приписать сіе молчаніе? Лѣни Гг. редакторовъ и холодноши читателей къ книгамъ полезнымъ, которыхъ появленіе столь рѣдко на горизонтѣ нашей словесности. Гг. журналисты поспавляютъ себѣ долгомъ говорить только о томъ, что подѣйствовало на *тернь* нашей публики. Они захвалятъ по одному предубѣжденію юный, возникающій талантъ, или въ одномъ словѣ напишутъ ему страшный и несправедливый приговоръ. Ихъ лѣнность собираетъ плоды съ одного невѣжества. Къ несчастію, они во многомъ похожи на нашихъ актеровъ, которые, играя для партера, забываютъ, что въ ложахъ присупствуютъ строгіе судьи искусства.

(*) Въ прошломъ году Г. *Гибдигъ* упомянулъ о сочиненіяхъ Г. *Муравьева*, говоря о лучшихъ нашихъ прозаическихъ писателяхъ *въ разсужденіи о притинахъ, замедляющихъ цѣльи нашей Словесности*. Мы съ удовольствіемъ слышали, что Е. П. Г. Попечитель С. П. бургскаго учебнаго округа предписалъ чтеніе сочиненій Г. *Муравьева* въ училищахъ сего округа.

Я пропущу другую причину хладнокровія и малаго любопытства нашей публики къ отечественнымъ книгамъ. Онѣ происходятъ отъ исключительной любви къ Французской словесности — и эта любовь неизлѣчима. Она выдержала всѣ возможныя испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей щетъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Талии и людей просвѣщенныхъ . . . осмѣлились безъ пользы, безъ вниманія (*). Но я твердо

(*) Любовь къ Отечеству, страсть благородная, не ослабляетъ насъ на щетъ Французской Словесности. Просвѣщенный Россіянинъ будетъ всегда уважать писателя Лудовикова вѣка. Не Сѣверъ родина Омаровъ. Наши воины, спасители Европы отъ новаго Аттилы, попустили пламенный брань въ отечествѣ Расина и Мольера, и на другой день по вступленіи въ Парижъ, къ общему удивленію его жителей, рукоплескали величественнымъ стихамъ Французской Мельпомены на собственномъ ея театрѣ. Но исключительная страсть къ какой либо Словесности можетъ быть вредна успѣхамъ просвѣщенія. Истина неоспоримая, которую Г. Уваровъ, въ письмѣ къ Г. Каллистръ, изложилъ столь блестящимъ образомъ. „Безъ основательныхъ познаній и долговременныхъ трудовъ въ древней Словесности, говоритъ почтенный защитникъ Омара и гекзаметровъ, никакая новѣйшая существовать не можетъ; безъ тѣснаго знакомства съ другими новѣйшими, мы не въ состояніи объять все поле человеческого ума, обширное и блистательное поле, на которомъ всѣ предубѣжденія должны бы умирать и всѣ ненависти гаснуть.,,

увѣренъ, что есть благоразумные читатели, которые, желая находить въ чтеніи пріятность, соединенную съ пользою, и будучи не довольны нашею Литтературою, столь бѣдною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, часто съ горестію прибѣгають къ иностранной. Такого рода люди — ихъ число ограничено — радуются появленію хорошей книги, и перечитываютъ ее съ удовольствіемъ. Для нихъ я спѣшу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на сочиненія Г. *Муравьева* вообще, и напомнимъ имъ о собственномъ ихъ богатствѣ.

Собраніе сихъ сочиненій (изданныхъ въ Москвѣ 1810) составлено изъ отдѣльныхъ піесъ, которыя, какъ говоритъ Г. *Карамзинъ*, были написаны авторомъ для чтенія Великихъ Князей. Онъ имѣлъ щастіе преподавать Имъ наставленіе въ Россійскомъ языкѣ, въ нравственности и Словесности (*).

Желая начертать въ юной памяти историческія лица знаменитыхъ мужей, а особливо Великихъ Князей и Царей Рускихъ, авторъ, подобно *Фонтенелю*, заставляетъ разговаривать ихъ тѣни въ царствѣ мертвыхъ. Но Французскій

(*) Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу.

VIII

писатель гонялся единственно за остроуміемъ: дѣйствующія лица въ его разговорахъ разрѣшаютъ какую нибудь истину блестящими словами; онѣ, кажется намъ, любуются сами тѣмъ, что сказали. Подъ перомъ Фоншенеля нерѣдко дрезніе Герои преобразаются въ придворныхъ Людовикова времени, и напоминая намъ живо учтивыхъ пастуховъ того же автора, которымъ не достаешь парика, манжетъ и красныхъ каблуковъ, чтобы шаркать въ Королевской передней, какъ замѣчаетъ *Вольтеръ* — не помню, въ которомъ мѣстѣ. Здѣсь совершенно тому противоположное: всякое лицо говоритъ приличнымъ ему языкомъ, и авторъ знакомитъ насъ, какъ будто невольно, съ *Рюрикомъ*, съ *Карломъ Великимъ*, съ *Кантемиромъ*, съ *Гораціемъ* и пр. Онѣ, какъ *Фоншенель*, разрѣшаетъ въ маленькой драмѣ своей какую нибудь истину, или полишическую или нравственную; но жертвуетъ ей ничтожными выгодами остроумія, и если смѣю сказать, скрывается за дѣйствующее лицо. Напримѣръ, желая сказать, что истинное богопочитаніе неразлучно съ человѣколюбіемъ, онѣ заставляютъ разговаривать *Игоря* и *Ольгу*, которая была жестокою по добродѣтели и дѣйствовала по ложнымъ понятіямъ воспитанія и на-